

Медея, взывающая к человечности

АСПАСИЯ ПАПАТАНАССИУ В СПЕКТАКЛЕ ТЕАТРА ИМЕНИ МАРДЖАНИШВИЛИ «МЕДЕЯ»

Античность, пожалуй, не создавала образа более трагичного, более потрясающего, чем образ Медеи — матери, убивающей собственных детей. Медея Аспасии Папатанассиу менее всего возбуждает чувство ужаса и благоговейного страха. Она взывает к человечности.

Сила Аспасии, выдающейся трагедийной актрисы наших дней, не только в ее ярком даровании и безграничном темпераменте. Сила актрисы — и об этом прежде всего хочется говорить под ярким впечатлением ее игры в спектакле театра имени Марджанишвили — в исключительно умном и точном прочтении античной трагедии, глубоком осмыслении ее философского и психологического содержания. Аспасия Папатанассиу, как никто другой, умеет возродить подлинную концепцию и гуманистическое звучание Софокла и Еврипида.

Трагедия Медеи, причина ее чудовищного преступления — не в патологичности и неполноценности. Напротив, трагедия Медеи — в ее полноценности и превосходстве над окружающими ее людьми. Медея — Аспасия — полна обаяния и душевной красоты, благородства и достоинства. Медея не преступница — она жертва. Преступники они, хоть и не пролившие крови, — с их грубым цинизмом и жестокостью, с мещанским самодовольством и эгоизмом. Неспособные понять волнение человеческой души, чуждые логики, они умеют спокойно и с тупой самоуверенностью оправдывать свои поступки. Для того, чтобы потрясти души этих людей, для того, чтобы потрясти до основания мир логики и цинизма, надо совершить необыкновенное. Так зреет ужасный план Медеи, так сила ее души обращается силой грозной и губительной.

Аспасия — это глубина и

темперамент, это откровенность и ясность, это игра с полной отдачей и перевоплощением, без какой-либо манерности, скульптурной позы, без элементов исторической и мифологической экзотики. Хочу заметить, что отсутствие античной экзотики — черта весьма характерная именно для греческих интерпретаций античных трагедий, для всех спектаклей, виденных мной в Греции и во время гастролей греческих театров. В этом — глубокая закономерность. Для грека, живущего на склонах Акрополя, античность воплощается, конечно, не в рисующих воображением мраморных колоннах и скульптурных изваяниях, она воплощается, прежде всего, в живом чувстве преемственности, родственности, близости миру чувств и

мыслей античных героев. Акцентируя в древней трагедии именно это — наиболее живое и действенное, обладая необычайной искренностью и эмоциональностью, Аспасия Папатанассиу умеет вместе с тем мастерски владеть своими эмоциями, создавать богатую, сложную гамму психологических оттенков. Каждое движение ее души выражается в тончайших модуляциях ее необыкновенно красивого и сильного голоса, ее, порой, напевной речи, напоминающей о вокальных истоках античной трагедии, о монодиях — сольных ариях актера древнегреческого театра.

Для греческого народа этот голос — голос Аспасии Папатанассиу, не только голос Медеи и Антигоны. Это голос, в годы фашистской оккупации

звучавший на радиоволне голосом веры и надежды, голосом, поднимающим на борьбу.

И очень отраднo, что этот голос столь гармонично слился с голосами грузинских актеров, с подлинным подъемом и вдохновением сыгравших спектакль с выдающейся актрисой современности.

А. АЛЕКСИДЗЕ,
доцент кафедры классической филологии Тбилисского университета.

Н. А. С. И. М. К. Е. сцена из спектакля «Медея» в театре имени Марджанишвили с участием Аспасии Папатанассиу.

Фото Г. Тевзадзе.